

5. Консервативные тенденции и провал попыток реформ

Стабильная и спаянная правящая верхушка, к тому же быстро дряхлевшая — своего рода «олигархия слабоумных стариков», — удерживала власть, как было уже показано, благодаря согласию в главном: стремлении институционализировать властные отношения, защитить интересы бюрократических структур и сохранить коллективное руководство, сосредоточенное в окружении одного человека-символа. Немалую роль в этом играл непрерывный и все парализующий компромисс между трудно-сочетаемыми общими установками и столь же противоречивой практикой как в центре, так и на местах. Политический консерватизм или экономическая реформа, стабильность кадров или выдвижение новых поколений функционеров, личная преданность или компетентность, жесткое администрирование или допущение элементов рынка, приоритет тяжелой и оборонной промышленности или легкой, «партийность» или технократические ценности, руководящая роль партии или активность «масс» в общественных организациях, более или менее надежно контролируемых, — все эти фундаментальные проблемы, решение которых предполагало выбор, никогда не доводились до конца из-за боязни нарушить консенсус, коснувшись сути вещей.

Такой подход к делу приводил к торможению, а затем и провалу многих попыток реформ, проистекавших из желания решить проблемы, не затрагивая причин их возникновения: централизации, бюрократизма органов управления, утвердившегося еще в 30-е гг. волюнтаризма.

В то же время более пристальный анализ показывает очевидный рост «консервативных» и «консервирующих» тенденций. Несомненно, в 1972 — 1976 гг. произошел переход от «просвещенного консерватизма» к «судорожному», по выражению Ж.Сапира. Действительно, именно в период с конца 1972 до конца 1973 г. защищаемые Брежневым приоритеты в экономике — тяжелая промышленность, оборона, сельское хозяйство, освоение Сибири — окончательно взяли верх над тенденциями 1965 — 1972 гг., когда под влиянием Косыгина особое внимание уделялось развитию легкой промышленности. Мало-помалу речи технократов и реформаторов, выступавших под знаменами «научно-технической революции», сменились речами, пропитанными «партийностью» и военно-патриотическим духом, требовавшими от трудящихся мобилизовать все силы, повысить активность, усилить контроль, укреплять трудовую дисциплину и патриотизм, возрождать стахановское движение и в то же время содержащими почти неприкрытые угрозы в адрес «виновных в расхлябанности». Эти безусловно реакционные по своей сути выступления открыто звали к мифологизируемому прошлому. Одобренный в феврале 1976 г. XXV съездом КПСС десятый пятилетний план (1976 — 1980 гг.), несмотря на проявившуюся в некоторых высказываниях Косыгина оппозицию, утвердил начавшийся в конце 1972 г. поворот. Основные усилия направлялись на развитие оборонной промышленности, энергетики,

сельского хозяйства и Сибири. Первоочередной задачей стало, учитывая благоприятную конъюнктуру, сложившуюся в мировом производстве энергоносителей, как можно быстрее и в возможно большем объеме найти излишки энергоносителей и экспортного сырья и за счет их продажи снять необходимость реформ, направленных на повышение качества продукции и интенсификацию производства. В итоге страна смогла, используя начавшиеся в 1972 — 1973 гг. разрядку напряженности и потепление в международных отношениях, широко ввозить производимые на Западе машины (так, с 1972 по 1976 г. импорт западного оборудования вырос в четыре раза). Массовая закупка иностранной техники для повышения эффективности производства рассматривалась руководством страны как альтернатива действительной реформе и изменениям в общественных отношениях. Крупные инвестиции в сельское хозяйство, запуск инфляционных процессов в сочетании с новой административной централизацией экономики, с усилением контроля стали той «легкой дорожкой», по которой пошла дряхлеющая правящая верхушка, отказавшись, а вернее, оказавшись неспособной решить проблемы структурной перестройки экономики, а также из боязни нарушить баланс сил бюрократических структур.

В этих условиях непрерывно выхолащиваемая реформа не могла не принять чисто косметический характер. Именно таким было создание новых структур («промышленных», «производственных», «научно-производственных» объединений, «территориальных производственных комплексов») в безуспешном стремлении рационализировать управление предприятиями — очень разбросанными, плохо координируемыми и целиком зависящими от неэффективных вертикальных структур. Не принесли желаемых результатов и попытки сбалансировать неравномерность экономического развития, зачастую определявшуюся внешними обстоятельствами, такими, как срывы поставок или аномалии в оптовых ценах. Тем не менее ни установление цен, ни общее руководство производством, ни сбыт продукции не были предоставлены самим предприятиям. Наоборот, вышедшее в июле 1979 г. постановление ЦК КПСС и Совмина СССР только усилило опеку со стороны центральных органов. «Дух 1965 года» был уже забыт, даже если новый документ и рассматривался как «уточнение» принятой в 1965 г. программы.

Уже само название («Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы») постановления свидетельствовало о том тупике, в который зашла «реформа» к концу 70-х гг., так и не принеся ожидавшихся результатов: улучшения качества продукции, роста рентабельности, всенародного движения за экономию и бережливость, повышения производительности труда, более рационального использования производственных мощностей.

«Грандиозные» новации, преподнесенные в постановлении как «основополагающие», состояли в введении новых нормативов, которыми теперь должны были руководствоваться предприятия. Речь шла о выходящем за разумные рамки проекте глобальной стандартификации управления предприятиями, который должен был позволить вместить всю производственную, коммерческую и финансовую их деятельность в систему строго определенных нормативов и правил. Реализация постановления предполагала установление и последующий контроль за соблюдением огромного количества производственных и финансовых нормативов: запасов по видам сырья, использования сырья на единицу продукции (более 200 тыс. видов!), использования оборудования, расхода энергии и т.д. Особое внимание уделялось главной категории нормативов, относившихся к затратам рабочей силы, а значит, и заработной платы на единицу продукции и позволявших вычислить коэффициент «нормативно-чистой продукции», заменивший дискредитировавший себя показатель «валовой продукции». Введение нового показателя еще более усложнило установление оптовых цен, назначаемых центром. Отныне на каждый производимый продукт назначалось две цены: обычная оптовая цена и «нормативная». Эти меры вызвали страшную неразбериху, вылившуюся в общий пересчет всех внутригосударственных расчетов, длившийся весь 1982 г., но никак не приблизивший решение главных задач: улучшения руководства предприятиями и повышения производительности труда.

Сдвиги к лучшему должны были, в принципе, быть достигнуты благодаря другому нововведению постановления от 12 июля 1979 г., заключавшемуся в пропаганде и

внедрении «бригадного метода», названного «методом Злобина» по фамилии строителя, прославившегося благодаря его внедрению. Идея была проста: группа трудящихся брала на себя обязательство выполнить порученную ей работу к определенному числу, как правило, с опережением «нормативно» определенного срока, не допуская брака и увеличения стоимости работ. Работу и ее оплату бригада распределяла по своему усмотрению. На некоторых предприятиях введение этого метода (впервые примененного на Щекинском химическом комбинате близ Тулы) повысило производительность труда, позволило увеличить зарплату и уменьшить текучесть рабочей силы. В высших инстанциях новой форме организации труда придавалось большое значение. Это привело к принятию в 1983 г. «Закона о трудовом коллективе». К концу 1983 г. в стране насчитывалось 1,5 млн. бригад, объединивших 17 млн. трудящихся, однако только 12% из них работали на основе внутреннего самоуправления. Тем не менее оставались две существенные проблемы, ставившие под сомнение успех этого «новшества»:

— нерешительность директоров предприятий при решении вопроса об увольнении высвобожденных рабочих. Отсутствие подробной информации об общей ситуации с рабочей силой (как и прежде, набор рабочих чаще всего происходил непосредственно «у ворот»), тенденция к сокращению ее притока побуждали большую часть директоров предприятий сохранять резерв рабочей силы, чтобы справляться с трудностями из-за неритмичности работы предприятия;

— противоречие между принципом дифференцированной оплаты труда, игравшим важную роль в бригадном подряде, и прочно вошедшей в общественную жизнь и сознание людей уравниловкой. Чтобы заработать предполагаемую бригадным подрядом зарплату, требовалось приложить немало усилий, в то время как обычная зарплата шла, так сказать, автоматически. Так стоило ли напрягаться?

Выбор легких решений, предпочтение консервативным мерам, отказ от радикальных преобразований, торможение, а затем и провал беспрестанно выхолащиваемой реформы, ни один из вариантов которой никогда не получал единодушной оценки в руководстве партии, — все это обусловило вползание советской экономики в кризис, в полной мере проявившийся со второй половины 70-х гг. Он стал несомненным и неопровержимым фактом, признанным руководителями, пришедшими к власти в 1985 г., важнейшей причиной, вызвавшей необходимость глубокой «перестройки», провозглашенной новой революцией.